

СВЕДЕНИЯ О СЕТО В XVI–XX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ (РГАДА) И ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию материалов о народности сето (сету), как хранящихся в ГАПО, так и опубликованных. В рамках дискуссии о происхождении сето автор обращается к рассмотрению текста писцовой книги Мещанинова-Морозова и Дровнина 1585–87 гг. и предлагает обратиться к изучению исповедных росписей для поиска предков ныне живущих сето. В статье рассматриваются данные о колебаниях численности сето в конце XIX–начале XX вв.

Ключевые слова: Изборск, сето, Сетумаа, ГАПО, исповедные росписи, писцовые книги, всероссийская перепись 1897 г., Карл Усстав.

Yu. V. Kolpakova (Pskov)

SETO PEOPLE IN THE XVI–XX cc. ON THE MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE ARCHAIVE OF ANCIENT ACTS AND STATE ARCHAIVE OF PSKOV REGION

The article deals with the materials about the nation Seto (Seto), both stored in State Archaive of Pskov Region and published. With the discussion of the origin of Seto in view the author addresses the text of the scribes book of Meshchaninov-Morozov and Drovnin dated by 1585–87 and proposes to apply to the study of confessional painting in search of ancestors of living Seto. The article describes variations in Seto population quantity in the late XIX–the early XX cc.

Keywords: Izborsk Seto, Setomaa, confessional paintings, scribes books, National Census of 1897, Carl Usstav.

История народности (общности) сето в послевоенный период века хорошо изучена как по архивным материалам, так и данным устной памяти. Важнейшей исторической проблемой, на наш взгляд, является определение происхождения сето.

Данный вопрос широко муссировался в научной и периодической печати, и в последнее время возобладала теория об автохтонном происхождении финно-угорского населения Печорского района. На самом деле вопрос остается абсолютно нерешенным, поскольку с точки зрения исторической науки до сих пор не исследован глубоко — за отсутствием собственно сетоских письменных источников и недостатком источников, в целом. Мнение же самих коренных сету кардинально меняется на протяжении истории в зависимости от того, что пишут их современники-этнологи.

Поскольку общественный интерес к истории сето не ослабевает, и периодически возобновляется социальный заказ на разработку этнической истории, как с русской, так и с эстонской стороны, исследователь вынужден выработать единственно-корректный вариант изучения этнической истории сето — комплексное исследование истории населения Сетомаа: русских, сето и православных эстов. Это неизбежно, поскольку историю сето отдельно от истории их русских и эстонских соседей изучить нельзя — нет сетоских источников.

Наметим лишь некоторые из проблем. С одной стороны, материальная культура сету с точки зрения семиотики и орнаментики, как убедительно доказывает Маре Пихо, характеризуется глубоким родством с вещным миром коренного населения Восточного и Северо-Восточного Причудья и современной территории Печорского и Псковского районов, известного

нам по археологическим памятникам X–XIII (Залахтовье, Верхоляны, Калихновщина, Павлов Погост, Криуши, Ольгин Крест, Скарятин Гора), а также XIII–XV вв. (Могильники Кендиши, Мурашкино), некоторые из которых полностью принадлежат носителям данной культуры, а на некоторых ее влияние прослеживается эпизодически.

С другой стороны, нет никакой уверенности, что упоминаемая письменными средневековыми источниками «Чудь» — это сету. Есть масса других современных народов, которые могут претендовать на то, что прибалтийские финны были их предками: воль, вепсы, коми. Определение «псковская чужь» в равной степени справедливо и по отношению к возможным предкам сету и к древним эстам.

До начала XX века информация о сету в письменных источниках остается скрытой, неясной. Иногда действительно возникает впечатление, что радикально-настроенные эстонские этнологи правы — нет никакой отдельной народности, есть ветвь эстонского народа, отколовшаяся в позднейшее время.

Однако основания для поиска есть. Во-первых, это древности сету в музейных коллекциях. Комплекс женских украшений сету уникален и не свойственен больше никакому народу. Древнейшие суур-сылг из Российского этнографического музея датируются XVIII в. Во-вторых, это поселения и могильники самих сету. В отсутствие письменных источников, к изучению данной культуры невольно складывается около-археологический подход, а с этой точки зрения мы имеем объективные данные о непрерывном функционировании сельских кладбищ по крайней мере с XVII в., деревень, построек в них — с XVIII в. [11, с. 334–335].

Так что в письменных источниках есть что и кого искать, пусть и смирясь с тем фактом, что отделить сету от православных латышей и эстов, вероятно, будет затруднительно.

Однако и изучение писцовых книг Псковской земли не дает нам возможности говорить ни о каких следах сету здесь в XVI веке. Во всем описании Изборского уезда по писцовой книге Мещанинова-Морозова и Дровнина 1585–87 гг. не обнаружилось этнических прозвищ кроме именованья «латыш» и даже характерных для сету имен, кроме одного. Земли Печорского монастыря в этот период заселены русскими крестьянами, либо населением, которое было переписано не только под русскими именами, но и под русскими же прозвищами. Единственное имя, привлекающее внимание — пушкарь Кютла Павлов сын, владевший нивой Рождества Христова на речке на Смолене в Изборском уезде.

Упоминания о «латышах» мы позволили себе выписать. Эти упоминания Юрий Трусман счел аргументами для доказательства того, что сету могли жить на Печорской земле уже в XVI в. [13, с. 38–39]:

- «деревня Другое Михалево Павлика латыша, в ней двор помещиков... Пустошь Быково Павлика латыша, пашни перелогом худые земли 10 четей с осминою в поле» (Л.618 об.)
- «пустошь Спиридово Зузи латыша» (Л. 659 об.);
- «деревня Ехнова Янква, во дворе Мартинко Иванов сын Волк латыш» (Л. 659 об., 660);
- «пустошь Слоботка Мартинка латыша, пашни лесом поросло добрые земли 4 чети в поле, а в дву потому ж сена 2 копны, лесу непашенного вдоль на две версты, а поперег на версту» (Л. 661 об.);
- «деревня Плесково, во дворе Микулка Пленков латыш» (Л. 662);
- «деревня Литвиново Жаворонково, во дворе Олексеико Орлов латыш» (Л. 663);
- «пустошь Офремово Симанка латыша» (Л. 676);
- «пустошь Пенково Якуша латыша» (Л. 679);
- «деревня Козликово Вяхорево, во дворе Ень латыш... Деревня Болхово, во дворе Омелянко латыш, во дворе Гент латыш» (Л. 688);
- «деревня Аристова, во дворе Янь латыш, во дворе Онксои латыш» (Л. 694 об.);

- «деревня Лаптево Щелкуново, во дворе Ону латыш ... Деревня Подболотье Борок, во дворе Ондрейко латыш» (Л. 696 об.).

Всего насчитывается 16 упоминаний 14-ти имен с прозвищем «латыш», которые принадлежат к листам 618–696 писцовой книги и не относятся ни к землям Печорского монастыря, ни к населенным пунктам, который известны нам как сетоские.

Это обстоятельство побудило нас искать сету в более поздних источниках и обратиться к широкому массиву документов, хранящихся в Государственном архиве Псковской области в фонде духовной консистории (ГАПО, фонд 39). Более 7 тысяч дел этого фонда представлено, преимущественно, метрическими книгами и ежегодными исповедными росписями церквей и погостов XVIII (с 1722/24 гг.) — нач. XX вв. Среди них находятся и материалы о населении Псковского уезда, в который входила территория современного Печорского района. Метрические книги православных приходов Эстонии с XVIII в. по 30-е годы XX в. хранятся, преимущественно в Эстонском Историческом Архиве (ЭИА) в Тарту и доступны в сети Интернет по адресу: <http://www.eha.ee/saaga>.

Для поиска происхождения целой группы населения эффективным представляется выборочное изучение исповедных росписей.

Мы выбрали Исповедные росписи церквей пригорода Изборска, церквей и погостов Псковского уезда и изучили данные книг за 1735 с 1830-е гг. с шагом около 25–30 лет. Для сравнения были привлечены метрические книги за соответствующие годы. Изучение носило пока диагностический характер, целью его была проверка информативности данного источника для решения поставленной исследовательской задачи.

Особое внимание было уделено изучению населения деревень, которые известны нам как сетоские или сетоско-русские по переписям XX века.

Оказалось, что приход переписывался исключительно по крестильным именам. Так в росписях Мальского погоста мы встречаем сплошь такие имена как Никита, Григорий, Анна, Савва, Фекла, Марфа, Устинья и т. д. Деревня Поддубье: Дарья, Ирина, Агафья, Сергей, Петр, Яков, Макрина, Евсигней, Василий и т. д. В метрических книгах Четырнадцатой церкви (т. е. Сорокамученической) Печерского посада, Никольского собора Изборска: Филипп, Дарья, Усихифор, Евдокия, Артемий, Мануил, Кирилл, Дмитрий, Алексей, Самуил, Прохор, Ефимия, Владимир, Евдокия, Соломония, Флор, Архип, Феодора, Михаил, Фекла и т. д. Как возможно найти среди них сету?

Также в ГАПО хранятся уникальные архивные дела, посвященные непосредственно сету. Это дела № 7761 и № 7762 фонда 39 (опись 1, том 2) «Рапорты о православных латышах и эстах» 1900 г. и 1903–1905 гг., а также Дело № 7764 «Дело о полуверцах, проживающих в Псковской епархии». Рассмотрим их содержание.

Согласно делу № 7761, 7 февраля 1900 г. Антонин, Епископ Псковский и Порховский направил Псковской духовной консистории письмо, в котором предложил, чтобы приходской причт предоставлял Консистории сведения о «полуверцах»: сколько их в каждом приходе мужского и женского пола, «к каким племенам они принадлежат к чуди или к эстам и латышам», сколько из них владеет русским языком, посещают ли православное богослужение, есть ли необходимость совершать для них богослужение на полуверческом языке, не бывает ли «сворачивания полуверцев лютеранами», кто и как его совершает (ГАПО Ф. 39. Оп. 1. д. 7761, л. 1–3).

Ответ на это письмо был дан ответ по рапортам причта с мест. Листы 5–53 в подшивке дела № 7761 составлены оригиналами рапортов благочинных. Поразительно, но согласно хранящимся в деле подшивке материалам, вопреки распространенному мнению, в тот период на местах отлично понимали разницу между так называемыми «полуверцами», т. е. сету и православными эстами и латышами (последних насчитывается по несколько десятков, а местами — сотен в разных приходах).

По этим рукописным документам удалось составить следующую таблицу:

Приход	латыши		эсты		«полуверцы»	
	м	ж	м	ж	М	ж
Милолюбовский	5	3				
Борки	3	2				
Локни/Локти (?)			42	46		
Маргыново (?)			3	9		
Кудеверь	41	52				
Изборский соборный					370	406
Печоры					1103	
Паниковичи					736	747
Залпстье					770	770
Тайлово					1357	1375
Верхоустье					1593	1628
Колпинский					429	498
Кулье					131	149
Зачернье (ныне – Саатсе)					787	758
Малы					261	279
Итого по группам	49	59	45	55	> 6434	> 6610
					14147	
ИТОГО	7706 мужчин, 7825 женщин, обоого пола – 15531 чел.					

Также рапорт Псковской духовной консистории на имя Антонина, епископа Псковского и Порховского содержал следующую этническую характеристику прихожан: «что касается всех полуверцев приходов псковского уезда, то неизвестно, к какому племени принадлежат они — большинство священников их приходов относят полуверцев к племени эстов и, бездоказательно же, к чуди». Правильность последнего объясняют близостью Чудского озера, юго-западный берег которого «прежде исключительно населяло племя чудское, которое потом, по обращении в христианство, направлялось вглубь России к югу, придерживаясь юго-западного берега озера Псковского и стало называться полуверцами, так как они, приняв православную веру, не оставляли и своих языческих обычаев...» (ГАПО Ф. 39. Оп.1. д. 7761, л. 2).

Таким образом, удаётся установить, что в начале XX века Псковское духовное начальство вело учет «полуверческого» населения. Численность сету по их подсчетам составляла 14 147 человек.

Важным для исследования истории сету в первые десятилетия XX века представляется и «Дело о полуверцах (эстонцах) проживающих в Псковской епархии, 3 февраля 1907 – 7 апреля 1915 г.» (ГАПО, Ф 39, Оп. 1, д. 7764).

Это дело проходило первоначально по архиву № 11 Псковской духовной консистории по первому столу № 15 общей описи стола «Дело по отношению осведомительного бюро по делам печати с препровождением статьи «Забытый народец», напечатанной в газете «Биржевые ведомости» о полуверцах).

Данная статья, написанная «священником-сетукезом» (именно в такой формулировке он отрекомендовал себя в газете) о. К. Усатовым из с. Тайлово Псковской губернии была ответом, причем довольно эмоциональным, на публикацию «Эфир — вместо водки». Он пишет, что в России о сету имеют «очень смутное представление», поэтому автор считает «нелишним сказать несколько слов о своих земляках» (ГАПО, Ф 39, Оп. 1, д. 7764, л. 1).

Он пишет следующее: «мы сетукезы или полуверцы, народец численностью до 20 000 всеми забытый и презираемый в виду непонимания нами русского языка. Несмотря на трехвековую принадлежность нашу к православной церкви, православного у нас кроме креста ничего нет. Пастыри наши за это время ничему нас не научили, да и научить не могли, не зная

нашего языка. Впрочем слова «анна раха», «анна руги» (давай деньги, давай руги). Они прозносят довольно внятно». Автор статьи отмечает, что хотя школы, в том числе и одна церковная школа, в краю сету есть, но обучение в них ведется на непонятном детям русском языке, поэтому сетукезы вынуждены прозябать в начальном классе, пока, по мнению учителей не «научатся говорить», а уж затем могут приступить к азам — к русской азбуке. Выученное ими абсолютно неприменимо, поскольку в сетуских семьях никто русской азбукой не пользуется и пригодиться плоды этого мучительного учения могут только для того, чтобы сетукез мог по просьбе кого-нибудь пришлого написать по-русски свое имя. По мнению автора, даже при этом таких «знакоков русской речи найдется между ними едва ли больше 0,5%» (ГАПО, Ф 39, Оп. 1, д. 7764, л. 1).

Автор сетует: «другие эстонцы развились под умелым, хотя и нелюбезным руководством немецких пасторов и не отстали от европейского прогресса. Нас же отлучили, к русским присоединить не сумели, и мы остались какими-то темными пасынками России. Более чем трехвековое обрусение не принесло нам никому никакой пользы. Мы в настоящее время такие же полуязычники и дикари, какими оставались наши предки до принятия ими православия. По настоящее время почитаются у нас идолы и болваны. По настоящее время приезжают «ученые люди», посмотреть на нас, как на каких-то допотопных дикарей, живущих не где-нибудь в азиатских тундрах или в китайских горах, а в цивилизованной Европейской России на границе культурной Лифляндии. Нет, господа, не обвиняйте нас в употреблении эфира вместо водки и в прочих пороках, которых действительно у нас много. Обвиняйте наших наставников и духовное начальство за нежелание просвещать нас на понятном нам языке. Дайте нам пастырей, понимающих и любящих нас. Устройте в церквях наших богослужение и живую проповедь на нашем наречии; научайте в школах детей наших, кроме русского языка читать хотя бы Евангелие «полуверчески». И поверьте, что пороки наши от идолопоклонства до употребления эфира вместо водки уничтожатся сами собою» (ГАПО, Ф. 39, Оп. 1, д. 7764, л. 1).

После выхода этой статьи духовное ведомство начинает перепись «сетукезов» по приходам. В деле № 7764 хранится подборка рукописных ответов на Указ Псковской Духовной консистории от 7 марта 1907 года за № 2379. Эти рапорты и комментарии к ним ярко характеризуют состояние общественного мнения и знаний о сето. Например, эстонский миссионер-священник Иоанн Троицкий рапортует, что в Печорском крае назначено два священника для богослужения на эстонском языке (sic! Троицкий не знает, что сетоский язык — не эстонский): отец Поликарп Муравейский (в селе Авинчище) и отец Карп Усатов — в погосте Тайлово (ГАПО, Ф. 39, Оп. 1, д. 7764, л. 4).

В том же деле хранится письменный ответ центрального комитета общества трезвости г. Юрьев на запрос от духовной консистории. Если не цитировать абсолютно нелицеприятные высказывания в адрес «полуверцев», в сухом остатке содержания письма останутся рекомендации «искоренить невежество, проистекающее от ненормальной организации учения», а также выделить священника для свободных разъездов и проповедей на родном языке, для нормализации богослужения с постепенным введением русского языка. В данном письме содержится ценный перечень населенных пунктов или приходов с полуверческим или преобладающим сетоским населением: Печоры, Верхоустье, Зачеренье, Тайлово, Залесье, Паниковичи и Авинчище (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 5).

Судя по составу подшивки, Духовная консистория выслала запросы в некоторые уезды ошибочно. Например, священник Порховского уезда, протоирей Евгений Лебедев прислал сведения от о. Иоанна Кримпа (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 8–9), который заведовал эстонской миссией в Порховском уезде. Иоанн Кримп отмечает, что Печоры никаким образом к его миссии не относятся, а для разъездов миссия времени не имеет. Вероятно, в устной форме причту Порховского уезда было рекомендовано окормлять и печорских прихожан. Однако, Иоанн Кримп, как бывший псаломщик церкви в Ряпино, дает характеристику полуверцам Колпинского прихода: они усердно посещали церковь, и привлекало их туда (по 150–300 человек в праздники) именно то, что богослужение ведется на эстонском — более понятном для

сето языке. Колпинские прихожане жаловались, что во время исповеди русским священникам приходится пользоваться услугами переводчика или принимать исповедь, при том что прихожанин и священник не понимали из речи друг друга ни слова. Это обстоятельство готовит благодатную почву для проникновения лютеранских миссионеров из Лифляндии, предупреждает священник начальство в своем рапорте. У них есть хорошо организованные школы-модельни в Паниковской волости и Печорах. Иоанн Кримп полагает, что крайне необходимо обеспечить полуверцев священниками, владеющими и русским, и эстонским языками, и указывает примерную численность полуверцев — около 15 000 душ обоего пола.

Большой комплекс документов в подшивке составлен рапортами, адресованными благочинному V округа Печорскому священнику о. Михаилу Мутовозову. Изучение данных документов затруднено тем, что благочинный обладал очень трудным для расшифровки почерком (а все рапорты и ответы в подшивке дела № 7764 — рукописные). Среди документов присутствуют следующие письма:

1) от прихода Никольского Изборского собора рапортует причт: священники собора о. Петр Панов, о. Александр Кудрявцев, диакон Павел Лавров псаломщики Сергей Копылов и Александр Саллак. На территории прихода в составе шести деревень проживают полуверцы, 184 мужчин 218 женщин. Вблизи Мальской церкви имеется приходская школа. Священники отмечают, что данные прихожане «храм посещают, но усердия не видно», никакой разницы между ними и русскими в вопросах исповедания веры нет, различается население лишь своими традиционными костюмами и языком;

2) рапорт из Колпинской Спасо-Преображенской церкви от отца Василия содержит данные о 787 «полуверцах». Причт из Колпина отмечает наличие «несущественных» отличий в обычаях с местным русским населением. Дети «полуверцев» из Колпинского прихода обучаются Закону Божьему и другим предметам в школах со всеми остальными детьми (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 12–13);

3) в Кулейском приходе, по данным от священника Ильинской церкви пос. Куля Псковского уезда Леонида Раевского, проживает «полуверцев» 328 человек. Своих школ у этого населения нет, детей учат в общей Кулейской церковно-приходской школе. Отец Леонид много пишет о том, как можно было бы улучшить ситуацию за счет обучения «полуверцев» на родном языке, обеспечить подъем уровня нравственности через обучаемое молодое поколение. Священник сетует, что причту приходится брать тексты проповедей на русском языке только из Евангелия, поскольку это и есть та книга, по которой сету учатся читать. Это делает проповедь скучной, но любой другой рассказ на незнакомом языке еще более непригоден;

4) в рапорте из Залесской Троицкой церкви о. Николай и прочий церковный причт сообщают, что на территории прихода проживают 1380 «полуверцев», находятся две школы: в Сигово и Варкушево (прим. — последний топоним не соотнесен ни с одним современным населенным пунктом);

5) рапорт из села Зачеренье (прим.: ныне — Саатсе) от о. Василия Соловского содержит данные о «1590 душ полуверцев обоего пола». Как сообщает священник, по-русски понимают почти все мужчины из «полуверцев», женщины и дети — не более 15% (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 18);

6) священник Василий Раевский и псаломщик-диакон Александр сообщают, что в погосте Малы проживает 1013 душ «полуверцев» и все они понимают русский язык. В Мальской школе обучается 50 мальчиков и девочек-«полуверцев» (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 20).

7) причта Николаевской церкви погоста Паниковичи передает благочинному V округа данные о 634 душах мужского и 626 женского пола, всего в приходе насчитывается 1260 «полуверцев» (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 21);

8) причт Сорокамученической церкви пригорода Печор Псковского уезда (священники Михаил Мутовозов и Иаков Белявский, диаконы Павел и Иоанн, и. д. псаломщика Константин Корсаков) на 1 января 1907 года имеют данные о 2364 «полуверцах» в приходе: 1194 мужчин, 1170 женщин. В рапорте отмечается, что на всей площади прихода «полуверческие» дерев-

ни разбросаны между русскими селениями, но в северо-западной части, «за рекой Пимжею» (прим.: соврем. Пивжа) вдоль границы Лифляндской губернии расположено 8 селений, «составляющих исключительно одно сельское полуверческое общество». Мужчины «удовлетворительно понимают и свободно говорят по-русски», все хорошо соблюдают обряды и посты, и отличаются от коренных русских знанием «своего древнего языка» и костюма. В приходе шесть школ: министерская двухклассная, две церковно-приходских и три земских, из них три в пригороде Печор. В пяти ведется совместное обучение «полуверцев и русских», в единственной школе «за р. Пимжей» учатся только «полуверцы» (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 22);

9) рапорт из Тайловской Николаевской церкви от отца Карпа Усатова является одним из наиболее подробных в подшивке. Как отмечает отец Карп, в Тайловском приходе проживает 1608 «полуверцев», что составляет 64% всего населения, грамотны из них не более 10 человек. На богослужении никто не понимает, о чем говорит священник. Отец Карп отмечает, что в приходе есть две школы, но учащиеся «полуверцы» первые 2–4 года учителя не понимают. «Я решительно не понимаю, как могут священники других полуверческих приходов обойтись без знания полуверческого языка и как они поступают хотя бы во время исповеди с незнающими по-русски, каковых громадное большинство», — пишет священник.

В данном рапорте, как ни странно, о Карп Усатов называет сетоский язык эстонским и отмечает, что торговые люди «полуверческое наречие» освоили в совершенстве. По мнению тайловского священника, православие у местного населения соседствует с язычеством, «почитаются Пеко, Тюха Туомас, Аия Юмал, большие деревни и камни», имена «произносят по-своему: Григорий — Крива, Степан — Пету, Агафья — Ока, Елена — Ольо, Параскева — Пашью, Омвросия — Обруск, Федосия — Хесеу», и т. д. Приносятся жертвы: яйца, пиво, сыр. Есть идолы Пеко в Паниковичах, Авинчищах, читаются языческие молитвы, празднуют Пеку-праздник за несколько дней до Петрова дня. Священник читал и цитирует труды Я. Гурта, Ю. Трусмана, В. Бергмана, упоминает, что «полуверцев» изучали Каллас, Юрьевское учебное общество, авторы финского журнала «Suomi» (судя по всему, именно из их трудов, а не столько из личных наблюдений, священник Карп Устинов и берет данные о языке и верованиях сето). Во втором рапорте о Карп приводит статьи финских исследователей об идолах и праздниках (журнал «W. Suomitooja» № 10–11 1903 г., журнал «Postimees» № 181, 1903 г.).

В ответе на первый рапорт благочинный Михаил Мутовозов отмечает, что данные о Карпа расходятся с тем, что пишут из других приходов, где «полуверцы» усердно посещают храмы и молятся (ГАПО, Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 28);

10) согласно рапорту главы Авинчищевского прихода о. Поликарпа Муравейского, весь приход состоит из «полуверцев», которых насчитывается 859 мужчин и 814 женщин. «Все они говорят на своеобразном искаженном эстонском наречии», по мнению автора рапорта, а русский язык понимают в основном мужчины. «Богослужение совершается на славянском языке и на эстонском, который они понимают, как русские славянский». В приходе, как отмечается в рапорте, есть одна церковноприходская двухклассная школа, которая ежегодно принимает 40–50 детей. Отец Поликарп излагает свои наблюдения над культурой и бытом «полуверцев»: письменности своей нет, живут неопрятно, что встречается и у коренных русских, храмы посещают и исполняют посты, потребляют водку и «ликва» — серный эфир. Он считает, что эфир не более вреден, чем табак, водка или опиум, но экономит сетукезам деньги (дешев и принимается в меньших дозах). Интересно, что отец Поликарп уверенно отмечает подозрения в распространении среди сето идолопоклонства и суеверий;

11) рапорт причта Георгиевской церкви Псковского уезда 5 благочинного округа погоста Верхоустье гласит, что всего прихожан насчитывается 1835 мужчин, 1859 женщин, 3694 — обою пола, из них «полуверцев-православных эстов» свыше 3 000 (1567 мужчин, 1569 женщин). Школ в приходе три: Слободская, Селищенская и Большекулейская (в последней преобладают русские ученики), всего учится около 150 чел.

Почти все священники в своих рапортах отмечают, что мужчины сето говорят и понимают по-русски, хотя и не твердо, а женщины — нет. Отмечается благочестие и усердие в христианских обрядах всех «полуверцев», особенно женщин.

На основе писем причта был составлен итоговый рапорт благочинного 5 округа Михаила Мутовозова в духовную консисторию, в котором отмечалось, что «полуверцы» проживают в 11 приходах вверенного округа — Авинчешевском, Верхоустином, Изборского Николаевского собора, Колпинском, Кулейском, Залесском, Зачернийском, Мальском (Христо-Рождественской церкви), Паниковском, Печорском и Тайловском (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 32).

24 апреля 1907 г. рапорты были заслушаны в Духовной консистории в Пскове. На заседании пришли к выводу, что «главным инициатором учреждения особых священников, знающих эстонский язык для полуверцев — священник Усатов, знакомый с эстонским языком, домогавшийся должности миссионера». Это и вызвало разницу в отзывах о благочестии полуверцев со стороны тех, кто не мог бы с ним конкурировать на этой выгодной должности. Действительно, прочие священники ходатайствуют об увеличении числа школ, и лишь Карп Усатов — об учреждении «священников-сетукезов» (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 33).

В итоге, стараясь в своих рапортах показать благополучное состояние вопросов веры, языка и образования священники Печорской округи поставили в незавидное положение священника села Тайлово, со статьи которого началось дело о полуверцах, и который в своем рапорте обрисовал довольно неприглядное состояние дел в собственном приходе.

Благочинный затребовал от Карпа Усатова и данные о посещении «полуверцами» модельных домов лютеран, но о. Карп отвечает, что локализовать это явление нельзя, так как посещают время от времени лютеранские молельни некоторые прихожане абсолютно всех приходов (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 26–27).

Однако, к счастью, итогом заседания Консистории 24 апреля 1907 г. было не только обвинение Усатова в стяжательстве. Духовное руководство признало, что до отделения Псковской от Рижской епархии, в Псковской семинарии существовало обучение эстонскому и латышскому языку для ведения службы для «инородцев», которого теперь не хватает в повседневной практике. Также священники признали, что религиозность многих сету ограничена одной обрядностью, поэтому нет ничего неожиданного в том, что отец Карп заподозрил «полуверцев» в идолопоклонничестве, что «прочие священники либо отрицают, либо замалчивают, опасаясь укора или по невниманию к этнографическому изучению приходов своих» (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 35–38).

Загадочным моментом расшифровки материалов данного дела является личность самого отца Карпа Усатова. Его имя и фамилия созвучны фигурирующему в делах о православных эстах имени о. Карла Устава (см. Рапорты миссионеров и священников со сведениями о старообрядцах, православных латышах и эстах по псковской епархии (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7762). Карл Устав также известен авторам монографии «Сетомаа» (ч. 2) и предстает в ней как популяризатор и энтузиаст сетоской культуры начала XX в., является автором статьи о Тайловском приходе в Псковских епархиальных ведомостях (№ 11, 1–15 июня 1913 г., подписанных «К. У.»). Судя по материалам ГАПО, Карл Устав (в некоторых источниках подписывается как Усстав) был эстом, священником Ведриловской Покровской церкви (Порховский уезд), по крайней мере, в 1892–1904 гг. вёл богослужение для православных эстов на эстонском языке одно из воскресений каждого месяца, за это время вернул из лютеранства 80 человек и еще 30 отпавших от церкви (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7762. Л. 1). Карп же Усатов, по собственному признанию, был сето и служил в церкви в селе Тайлово, по крайней мере, в 1907–1915 гг. Таким образом, оба владели эстонским языком, жили в одно и то же время, были священниками в Псковской епархии, были не чужды сетоской культуре, обладали сходными именами. Тем не менее, по архивным материалам складывается впечатление, что они действительно могли быть разными историческими личностями. Почерк ведриловского миссионера Устава и тайловского священника Усатова различается, хотя не исключено, что документы второго периода составлены им не собственноручно. Н. Ф. Левин, составитель кратких биографических справок об авторах документов, опубликованных им в серии «Псковская историческая библиотека», убежден, что речь идет об одном человеке. Действительно, эпизоды служения в Тайлове и Ведрилове не приходят в хронологическое противоречие, и могут относиться к насыщенной биографии одного и того же человека. Тем не менее, из уважения к автору корре-

спонденции по делам «сетукезов» мы будем называть его Карпом Усатовым/Карлом Усставом в зависимости от того, как он сам подписывал документы в тот или иной период.

Уже 8 октября 1907 г. состоялось собрание духовенства 5 благочинного округа, на котором до сведения священников был доведен «Указ Псковской духовной консистории от 28 июня 1907 г. № 6367 о назначении священников, знающих родной полуверческий язык в местности, населенные полуверцами». Причём речь в Указе шла о ведении службы «не на эстонском-книжном, а на их родном полуверском наречии» (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 43).

По результатам подсчёта «сетукезов» предлагалось даже в перспективе составить 9 приходов из «полуверцев», выровнять количество клира, усилив Тайловский и другие приходы священниками из числа православных эстов (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 36).

В деле находилась таблица, содержащая сводные сведения о полуверцах (ГАПО Ф. 39, оп. 1, д. 7764, л. 24).

	Прихожан, чел.			В том числе полуверцев православных			Число священников	Число школ	Число дворов
	м	ж	всего	м	ж	всего			
Печерский	3414	3544	6963	1194	1170	2364	2	6	908
Верхоустьенский	1835	1850(9?)	3694	1577	1569	>3000	1	3	557
Паниковский	1802	1860	3662	634	620	1260	1	4	506
Авинчищи	0	0	0	859	814	1673	1	1	292
Изборск, Николаевский собор	3625	3875	7500	184	218	402	2	6	928
Изборская округа	2161	2299	4460						627
Колпино - Преображенская церковь	895	980	1875			787	1	2	231
Кулейский	1048	1088	2136			328	1	1	308
Залесский	1183	1183	2366			1380	1	2	468
Зачернье	1840	1786	3627			1590	1	3	544
Мальской	856	892	1748			1013	1	1	261
Тайловский	1257	1267	2524			1608	1	2	401
ИТОГО			40 555			13 280			6081

Таким образом, если доверять данным псковского причта, сетоское население сократилось за 1900–1907 гг. на 867 человек и составило 13 280 душ. Причиной тому могло быть и потребление ядовитой «ликвы» — эфира, и миграция в лифляндские земли. Возможны и неточности в подсчетах, хотя цифры для сравнения взяты из одного и того же источника с одинаковой методикой учета населения, что в целом, вызывает доверие к его информации.

Юрий Трусман в публикации 1890 г. приводит приблизительные цифры 12 841 — по церковному учёту и 12289 по гражданскому учёту (ревизским сказкам), отмечая, что церковный учет явно преувеличивает число «полуверцев», а гражданский, вероятно, лишь слегка преуменьшает [14, с. 49–50]. Сравнивая эти цифры с данными архивных дел, следует признать их довольно убедительными.

Интересный вираж делает численность сето в начале XX века по информации исследователя Я. Гурта и данным эстонской прессы 90-х гг. XX в. Так, Я. Гурт пишет, что согласно переписи населения 1897 г. сету насчитывалось 16,5 тыс. человек (Гурт, 1905), а по данным газеты «Maaleht» к 1902 г. сето было уже 16,6 тыс., а в 1905 г. их численность превысила 21 тыс. (Цит. по Манаков, 2009 [5, с. 40–44]).

Однако у любого историка, знакомого с материалами учета населения Российской империи, наличие отдельных данных на 1897, 1902 и 1905 годы вызовет сомнения. Полная перепись населения была проведена лишь единожды, и это было в 1897 году. Материалы её публиковались в течение нескольких лет, а конкретно данные по Псковской губернии вышли под редакцией Н. А. Тройницкого в двух частях в 1902–1904 гг. в Санкт-Петербурге. Изучение материалов переписи показывает, что в ней ни о каком отдельном учете населения сето и эстонцев нет и речи.

Тем не менее, нам удалось предположительно реконструировать, каким образом были получены данные о 16,5 и более 21 тыс. сето.

В материалах переписи приведена численность эстонцев в Псковской губернии — 25458 человек [12, с. 2]. Также указан процент православных среди каждой этнической группы населения. Среди носителей эстонского языка он составил 64,67% [12, с. VI 2]. Вполне вероятно, что Я. Гурт, а вслед за ним и эстонские авторы «провели перепись» сетоского населения, умножив 25458 на 0,6467, что и составляет искомые 16,5 тыс., а точнее 16467 человек. Очевидно, что эта цифра для обозначения численности сето неточна, поскольку не учитывает значительной прослойки православных эстов.

Происхождение информации о более, чем 21 тыс. сето в 1905 году, вероятнее всего и могло быть связано с попыткой отделить «полуверцев» от православных эстов. В рапортах миссионеров и священников со сведениями о старообрядцах, православных латышах и эстах по псковской епархии за 1903–1904 гг. (ГАПО Ф. 39, оп.1, д. 7762) есть данные о численности упомянутых в заголовке категорий населения. Ознакомление с делами № 7713, 7762, 7986 из фонда Духовной консистории показывает, насколько скрупулезно священниками велся отдельный учет старообрядцев и полуверцев, с одной стороны, и эстов, латышей и сето — с другой стороны.

Сведенные нами в таблицу по рапортам о. Иоанна Троицкого и о. Карла Устава данные об эстах выглядят следующим образом:

Приход	Православные эсты («не считая «полуверцев» Печорского края»)
Псков и уезд	634
Порховский	470
Новоржевский	486
Великолуцкий	398
Холмский	289
Торопецкий	1724
Островский	Нет сведений
Опочецкий	Нет сведений
Итого	4001

Вычитание из общего числа носителей эстонского языка в Псковской губернии (25458) православных эстов (4001 чел.) и могло дать эстонским авторам «легендарную» «самую большую за всю историю» численность сето — более 21 тысячи человек, точнее 21457.

Надо отметить, что это всего лишь гипотеза, пусть и имеющая основание. Как известно, перепись населения 1926 г. выявила около 20 тысяч сето и эстонцев в Петсеримаа [9, с. 183].

Порядок данной цифры близок к «более 21000», однако и здесь надо учитывать, что учет сето и эстонцев велся совместно.

По результатам анализа совокупности доступных на настоящий момент источников, нам представляется, что в действительности численность сето никогда не превышала 14, 15 тыс. человек, а исторический пик ее приходится на конец XIX—начало XX века.

Подводя итог, следует отметить, что есть уверенность, что в конце XIX—начале XX вв. фиксация данных о сето у духовного ведомства была. В традиционных источниках по истории населения — метрических книгах и исповедных росписях — эта информация также есть, хотя и в скрытом виде.

При текущем состоянии источников получение полных, исторически достоверных данных о проживании и миграциях сето в период до конца XIX в. очень затруднительно. Единственным способом прояснить ситуацию представляется ретроспективный метод семейной истории. В качестве выборки предлагается взять наиболее новые списки ныне живущих сето, это 172–230 человек. Проследить их предков до начала XX века по данным переписей. Методом выборочного изучения (с шагом в 20–30 лет) исповедных росписей и, где необходимо, метрических книг, отыскать их предков вплоть до 1722–24 гг. Постараться установить с данными писцовых и переписных книг за XVI–XVII вв. Это исследование позволит изучить миграцию населения, историю смешанных браков, прояснит, когда и для каких случаев сето использовали крестильные имена, с какого периода в действительности начинается история самоопределения сето как отдельного народа.

Источники и литература

1. Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия императорского русского географического общества. Т. XLI, 1905. СПб, 1906. С. 1–22.
2. Дело о полуверцах (эстонцах) проживающих в Псковской епархии, 3 февраля 1907–7 апреля 1915 г. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7764.
3. Дело о совращении православных эстонцев д. Курова Холмского уезда в лютеранство и о присоединении раскольников в православное вероисповедание по Псковской епархии. 1904 г. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7986.
4. Кочеткова И. В. Светское землевладение в Псковской земле по материалам писцовых книг Гдовского и Изборского уездов 1585–1587 гг. Дипломная работа студентки V курса исторического факультета. 2012. Хран.: кафедра отечественной истории и музеологии ПсковГУ.
5. Манаков А. Г. Динамика численности сето Печорского района в XX—начале XXI века // Изборск и его округа: Материалы международной научно-практической конференции 2007–2008 гг. Изборск, 2009. С. 40–44.
6. Подлинная писцовая книга по Пскову и его пригородам, написанная Григорием Ивановичем Мещаниновым-Морозовым и Иваном Васильевичем Дровниным в 1585–87 гг. РГАДА, ф. 1209, № 355.
7. Рапорты благочинных о православных инородцах — полуверцах по Псковской губернии, 1900 г. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. д. 7761.
8. Рапорты миссионеров и священников со сведениями о старообрядцах, православных латышах и эстах по псковской епархии. 1903–1904 гг. ГАПО. Ф. 39, оп. 1, д. 7762.
9. Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сето Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIII. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 183–193.
10. Святыни и древности Псковского уезда. Сборник дореволюционных публикаций / Сост.: Левин Н. Ф. Псков : ГП «Псковская областная типография», 2006.
11. Сетумаа 2. Setoma 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009.
12. Тройницкий Н. А. (ред.) Первая всеобщая перепись населения Российской губернии. т. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 1. С.-Петербург, 1902. Тетрадь 2 (последняя). С.-Петербург, 1904.
13. Трусман Ю. О происхождении псково-печорских полуверцев // Живая старина. Вып. 1. СПб, 1897. С. 37–47.
14. Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. Вып. I. СПб, 1890. С. 31–62.